

Михаил Богатырев

Колесо Сансары
(этюд о перевоплощении)

посв. Н. О. Лосскому

I

«Никто не бойся смерти, ибо освободила нас Спасова смерть! Объятый смертью, Он угасил смерть. Сошед во ад, Он пленил ад... Огорчился ад, ибо упразднен! Огорчился, ибо осмеян! ... Смерть! где твое жало?! Ад! где твоя победа?!»

(Воскресное слово на день Пасхи, приписываемое Иоанну Златоусту)

Согласно древним индийским верованиям, человек после смерти не исчезает бесследно, а проходит через череду мытарств, занимающую несколько сотен, а то и тысяч лет, после чего заново рождается на земле и уже не помнит себя прежнего. И так – поколение за поколением – люди не появляются и не исчезают, но словно бы извлекаются, а затем возвращаются в некую эфирную кладовую. То есть выходит, и людьми-то их можно назвать лишь обобщенно, это, скорее, какие-то *характерные плотности*, неуничтожимые души, пульсирующие изнутри и вокруг изменчивого понятия телесности.

Такому представлению соответствует и образ вечности в виде колеса Сансары. Здесь видится, скорее, колесо обозрения, именуемое в народе «чертовым колесом». Нижней частью оно погружено в красные воды небытия, в которых обитает бог смерти Яма, а верхняя его часть прокручивается на свежем воздухе. Каждое следующее поколение смотрит в затылок предыдущему, и все они сидят рядами на подвесных лавках. Ряды прокручиваются один за другим: не успевают одни извлечься из бесплотной тьмы, как другие немедленно в нее окунаются и словно бы консервируются на много лет. Появление душ сопровождается пением:

*Снова на земле!
Жизни нет конца!
Новые тела,
Новые сердца!*

Так поют эти новоявленные люди. Они входят в плоть, пронизаются костью, обрастают мышечным волокном, сочетаются в семьи, научаются распознавать своих предков и помогают вытаскивать из небытия потомков, чтобы услышать, как те, в свою очередь, поют ту же самую песню:

*Снова на земле!
Жизни нет конца!
Новые тела,
Новые сердца!*

Увы, это все ненадолго! Земное обличье столь же кратковременно, как и земная память, недаром поэт уподобил жизнь блеску молнии. Окунувшись в реку смерти, душа забудет и потомков, и предков, как мимолетный сон. Ее индивидуальная память сотрется и уподобится чистому листу; ей предстоит затяжное, неопределенно-долгое пребывание в нетях.

Сведения о том, как некоторые народы сокращают сей жуткий промежуток до нескольких лет или даже дней, можно найти в книге Н. О. Лосского «Учение о перевоплощении», в том месте, где он цитирует немецкого этнографа Фробениуса¹:

1 Лео Фробениус (1873-1938) – этнограф-африканист, археолог, автор теории «морфологии культуры»; в 1908 г. для исследования древней цивилизации йоруба предпринял экспедицию на западный берег Африки, в область между Того и Либерией.

«Фробениус рассказывает, что в эфиопской культуре есть обычай принесения своего короля в жертву. Он беседовал с одним королем, который должен был в следующем году подвергнуться смерти и говорил о ней спокойно, как о небольшом путешествии. <...> „У меня есть маленький внук, которого я очень люблю. Он должен взять себе жену из хорошего племени. От этого внука я хочу родиться <...> “. Веря в перевоплощение, примитивные народы стараются при рождении ребенка узнать, кто он, какой из предков родился у них. <...> Зиммель в своей статье „К метафизике смерти“ сообщает о приемах, применяемых ими для этой цели. У одного племени негров к новорожденному подносят вещи предков и наблюдают, какая из них привлечет к себе его внимание. „Это дядя Джон“, говорят они, „он узнает свою трубку“. <...> У маорийцев жрец произносит при новорожденном имена предков; они полагают, что ребенок – тот из предков, при имени которого он чихнет или закричит»².

II

Процесс воодушевления есть искра Божия, непрерывно согревающая новорожденное существо. Близкие – родители в первую очередь – начинают излучать из себя духовность, это происходит целенаправленно, и даже как бы помимо их воли. Умиление, милосердие и любовь – вот три строителя всякой души, к ним присоединяется также и четвертый: терпение. Все самое ценное, что есть в человеке и человечестве, сводится к ним.

Впервые закричав, мы не отвечаем на вопрос «кто?», это кричит сам крик, которому должно кричать, крик абсолютной необходимости, как сказал бы буддийский философ. В умиленном восприятии окружающих первый крик немедленно идентифицируется, но сам по себе он никому не идентичен, хотя и вполне индивидуален с точки зрения формы. Зато на уровне, так сказать, телесно-храмовом происходит идентификация невероятных масштабов: часть другого тела становится самостоятельным телом.

III

Во избежание терминологической путаницы сопоставим перевоплощение и Воплощение. Очевидно, различие между ними не только в приставке, придающей второму понятию оттенок процессуальности, повторяемости и изменчивости, вплоть до лицедейства.

Воплощение – центральный догмат христианской веры. По определению IV Вселенского Собора (451 год), во Христе Бог-Сын (Второе Лицо Святой Троицы) непостижимым образом соединился с человеческой природой «неслитно, неизменно, нераздельно и неразлучно». Соответственно, во Христе признаются две природы: Божественная и человеческая, но одна Личность, и Личность эта Божественная (Бог-Слово, Он же Бог-Сын). Воплощение уникально, и в то же время оно предстает в аспекте всеобщности, когда на литургии, в момент Евхаристии, христианин приобщается к Телу и Крови Христовым. Проблема Воплощения явилась камнем преткновения сначала для западного богословия, где камень сей был рельефно выделен блаженным Августином, а в дальнейшем и для западной философии, породившей схоластическую концепцию «субъект-субстанции».

Перевоплощение – это циклическое возрождение душ, или их переселение, оно же реинкарнация или метемпсихоз. Тонкие очертания прижизненного нравственного реализма не в последнюю очередь связаны с тем, что мы вкладываем в наши представления о загробном мире. Плотная завеса непознаваемости окутывает вхождение души в земное существование и исход из него, и человечество окружило себя панорамой самых фантастических воззрений на сей счет. Одно

только их перечисление – по материалам этнографии, мифологии, философии, художественной литературы и истории религий – могло бы занять несколько объемистых томов.

В художественной литературе наиболее феерично, на наш взгляд, феномен перевоплощения описан в книге «Ангел западного окна», вышедшей из-под пера адепта герметического общества «Белый Лотос» австрийца Густава Мейринка.

Декабрист Батеньков на двадцатом году одиночного заключения в Петропавловской крепости осознал посредством откровения, что души рождаются под Петергофом в виде хрустальных шаров, и подробно все описал в дневниках, большую часть которых уничтожил по выходе на свободу. Мистагог Г. Гурджиев склонялся к своеобразному загробному детерминизму, согласно которому живые – лишь безвольные марионетки, исполняющие тайные указания умерших. Философ Шарль Фурье, претендовавший на должность министра социальных реформ в правительстве Бонапарта, ставил земную жизнь в зависимость от планетарного метемпсихоза. Загробный аккомпанемент для такой, казалось бы, абсурдной точки зрения (если не принимать в расчет астрологию и алхимию) написал антропософ Рудольф Штейнер. По его версии, душа после смерти сначала оказывается в компетенции Космического разума, затем мигрирует в область Луны, Меркурия и прочих планет, очищаясь там от болезней, изъянов и недостатков, после чего, по прошествии нескольких столетий, может вновь воплотиться на Земле.

Согласно преданию, Эмпедокл бросился в кратер Этны исключительно из любопытства, а перед тем неоднократно заявлял: «Некогда я уже был мальчиком и девочкой, кустом, птицей и вынырывающей из моря немой рыбой». Не стоит, конечно, ставить знак равенства между самоубийством и производственной травмой, несовместимой с жизнью. Но раз уж жизнь, как это зафиксировано даже в скрижалях инстинктов, является бесценным даром, то очевидно, что того, кто так запросто отталкивает ее от себя, ждет соответствующее воздаяние.

IV

Для обобщенного описания метафизики буддизма Н. Лосский привлекает книгу Розенберга³, из которой у современного читателя, особенно, если он наделен воображением, вполне может сложиться впечатление, что в буддистской философии субъект-объектное противоречие снимается посредством ускорения частиц субъекта и объекта – как если бы их поместили в андронный коллайдер.

«Характер личности и характер переживаемого ею внешнего мира предстает разъятым на отдельные моменты. Длительность одного момента равняется 1/75 секунды, а по другим источникам, момент – биллионная часть сверкания молнии. „Человеческая личность с ее переживаниями, – пишет Розенберг (стр. 71), – оказывается сведенной на поток ежесекундно сменяющихся комбинаций мгновенных же элементов. Поэтому нет ни солнца, ни человеческого я, нет ничего постоянного, кроме вихря элементов, слагающихся каким-то закономерным образом“. Свободы в таком мире быть не может; личное индивидуальное бессмертие отрицается. Вернее, в протонародье у буддистов сохраняется первобытное учение о переселении души, но философия буддизма истолковывает его так, что оно перестает содержать в себе признание бессмертия. „Не какая-либо душа, – говорит Розенберг, – переходит из одного тела в другое или из одного мира в другой, а <...> одна личность-иллюзия, после определенного промежутка времени проявляется в виде другой, третьей, четвертой и т. д. – до бесконечности. Следовательно, ничего, собственно, не перерождается, происходит не трансмиграция, а бесконечная трансформация комплекса дхарм, совершается перегруппировка элементов-субстратов, наподобие тому, как в калейдоскопе те же частицы группируются в новые, более или менее похожие друг на друга фигуры. <...> Процесс такой перетасовки происходит в силу безначальной инерции, и если не произойдет

3 Имеется в виду русский японовед и буддолог Оттон Оттонович Розенберг (1888-1919) и его книга «Проблемы буддийской философии» (Петроград: Издание Факультета Восточных языков Петроградского университета, 1918). Метафизике буддизма посвящена гл. 4; см. : <https://psylib.org.ua/books/rozeo02/txt04.htm> .

приостановки или пресечения движения, то колесо бытия автоматически должно продолжать свое вращение“»⁴.

V

Сильной стороной эрудиции Н. О. Лосского являлось историко-философское знание, запечатлевшееся в его воззрениях, сообщившее им широкий спектр ассоциаций и вместе с тем известную разрозненность, компилятивность⁵. Возможно, стремясь как-то восполнить дефицит реалистичности в начертанной им картине мира, Лосский воздвиг внушительный пьедестал структуре, иерархическим отношениям элементов. А чтобы избежать обвинений в философской беспочвенности, он окутал структуру тканью интуиции или, иначе выражаясь, мистического эмпиризма.

Складывается впечатление, будто концепцию иерархического персонализма создавал дотошный немецкий механик, задавшийся целью соорудить подвижную металлическую пчелу, неотличимую от оригинала. Суставы раздвигаются и сдвигаются по перископическому принципу, детали взаимозаменяемы и вместе с тем уникальны. Но этому совершенству чего-то недостает, а именно: человечности. Может быть, всё дело в терминологии?

Не следует забывать, что Н. Лосский был в полной мере дитя своей эпохи: необычайный всплеск технической мысли повлиял не только на искусство (авангард, конструктивизм), но и на гуманитарную мысль, побудив ее к дерзаниям, сдвинув критерии реализма в область научной фантастики. За четверть века до написания книги «Интуитивизм» был открыт электрон. Лосского увлекает атомная физика. Он даже в свойстве взаимоотталкивания электронов обнаруживает некую психоидность. В те времена казалось, что вот-вот будет найден рубеж, за которым начнется метафизика и откроется мир божественный. И стилистически Лосский выглядит футуристом («субстанциальные деятели!»). Через несколько десятилетий ажиотаж, вызванный технической революцией, пойдет на спад: человек расщепляет электроны, а вечные вопросы все те же...

VI

Для наглядности представим себе обобщенно человеческий опыт в виде бесконечной ленты, испещренной мельчайшими письменами. Если вводить ограничения индивидуального плана, то на каком-нибудь произвольно взятом участке лента должна быть перерезана ножницами в двух местах. Образовавшиеся края можно было бы назвать «рождение» и «смерть», или же «начало» и «конец» индивидуальной истории. Но по Лосскому индивидуальная история не начинается и не заканчивается таким образом. Он пишет:

«Биологическая смерть есть лишь телесная смерть: деятель утрачивает свое тело, но сам он, как сверхвременное и сверхпространственное я, не может быть вычеркнут из состава бытия никакими мировыми силами». «Телесная смерть есть только частичная утрата тела: отпадает периферическое тело, а центральное тело, т. е. действующее в пространстве, производимые самим центральным деятелем, самим человеческим я продолжают: отталкивание, притяжение, творение чувственных качеств»⁶.

4 См.: Н. О. Лосский. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. – М., Прогресс, 1992, с. 101-104.

5 В одном из своих писем парижский мистический мыслитель архимандрит Евфимий (Вендт) тонко подметил эклектичность системы Н. О. Лосского. «Если я брал ту или иную книжку Лосского, то обычно попадал в своего рода каботажное плавание на углу суденышке идеал-реализма с заходом во все порты других философских „измов“».

6 См.: Н. О. Лосский. Воскрешение во плоти. – В журн. «Путь» №26, Париж, 1930, с. 69.

В этом Лосский опирается на Лейбница, утверждавшего: «Я близок к мнению, что во всяком теле людей, животных, растений и минералов есть ядро субстанции»; «оно так тонко (subtil), что остается даже в пепле сожженных вещей и может стянуться как бы в невидимый центр» («Монадология», §73). Лосский пишет:

«Лейбниц выражает учение о части периферического тела следующим образом: „Никогда не бывает также ни полного рождения, ни совершенной смерти, в строгом смысле, состоящей в отделении души. И то, что мы называем рождениями, представляет собою развития (developpements) и увеличения, а то, что мы зовем смертями, есть свертывания (enveloppements) и уменьшения“»⁷.

Возвратимся к разрезанному ножницами листу. Да, рождение и смерть можно воспринимать как обозначения эмпирических обрывов или краев, но только для определенного типа знания, а именно, для того знания, которое мечется между предпосылками и беспредпосылочностью и строит гипотезы, весь смысл которых сводится опять-таки к представлению о бесконечной ленте. Что же делает Лосский? С учетом современных теорий эволюции многие богословы – как в православии, так и в католичестве⁸ – склоняются к тому, чтобы слова из Святого Писания о создании Адама из глины⁹ не воспринимать буквально. Лосский идет еще дальше, он считает, что Господь создал некие паттерны мироздания, вечные элементы, наделенные творческим даром и качеством перевоплощения и различающиеся по типу и уровню организации:

«Как это показал Лейбниц, под словом „субстанция“ следует разуметь носителя творческой силы, производящего события. В моей философии особенно подчеркнута понятие творческой свободы существ, из которых состоит мир. Поэтому я буду избегать слова „субстанция“, которое производит впечатление какой-то мертвой абстракции, и вместо него буду употреблять термин субстанциальный деятель»¹⁰.

И далее читаем:

«Чтобы понять, как совершается перевоплощение и что оно собою представляет, необходимо отдать себе отчет в следующем. Каждый субстанциальный деятель свободно творит все свои проявления, не только такие, как съедание куска хлеба или пение арии, но и весь тип жизни не принудительно необходим для деятеля. Субстанциальный деятель может усвоить тип жизни согласно идее кристалла горного хрусталя, но может подняться и выше по ступеням природы, например, усвоить биологический тип жизни, положим, инфузории, далее многоклеточного животного, наконец, человека и т. п. <...> Бог не творил кислорода, водорода, Бог не творил вшей, клопов, тигров и т. п. Все эти типы жизни изобретены самими субстанциальными деятелями в процессе эволюции. Бог сотворил мир только как совокупность субстанциальных деятелей, наделенных сверхкачественною творческою силою, и предоставил им самим свободно вырабатывать тип жизни»¹¹.

Итак, описываемые Лосским субстанциальные деятели способны усваивать и подчинять себе те или иные идеи. Скажем, к примеру, так: в первом тысячелетии до Р. Х., подчинив себе идею управления нервным волокном, деятель Икс заведует движением ресниц у какой-нибудь женщины, потом становится мухой или лошадью, а где-то в первом тысячелетии после Р. Х. тот же самый деятель может сделаться римским легионером.

7 См.: Н. О. Лосский. Воскрешение во плоти. – В журн. «Путь» №26, Париж, 1930, с.70.

8 См., например: Рене Лавокат. Эволюция, происхождение человека и христианская вера (пер. О. Платоновой). – Изд-во Философское братство, Спб, 2005.

9 «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2: 7).

10 См.: Н. О. Лосский. Воскрешение во плоти. – В журн. «Путь» №26, Париж, 1930, с. 70.

11 См.: Н. О. Лосский. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. – М., Прогресс, 1992, с. 38-42.

В IX веке один из патриархов школы дзен, Чжаочжоу, утверждал: «До существования мира природа личности уже существует. После разрушения мира природа личности остается нетронутой». Лосский бы, вероятно, истолковал этот коан с позиций предсуществования: «От Сотворения мира природа личности уже существует». Но природа личности, которую можно связать с логическими категориями и отвлеченным единосущием, и душа – это вовсе не одно и то же. Чтобы объяснить происхождение души, Н. Лосский прибегает к креационизму: душа сотворяется Богом при зачатии или рождении. Следуя логике его умозаключений, не всякий субстанциальный деятель способен сочетаться с душой, но лишь чрезвычайно организованный и усовершенствованный. В плане абсолютной свободы, которой наделены все, без исключения, деятели, выходит, что скалы, деревья, моря и животные сами выбрали тот тип существования, к которому они принадлежат. То есть, теоретически, у них есть возможность возвыситься и до людей и получить в итоге дополнительный дар Божий – душу. В итоге, следуя Лосскому, все мироздание можно представить в виде гигантского эмбриона, утопически заключающего в себе потенцированную «человечность», лучшая часть которой при помощи православных догматов устремляется в Царствие Небесное.

VII

Согласно христианскому богословию, душа проживает в теле одну жизнь. Затем – Страшный суд, после чего – либо вечная жизнь, либо вечное наказание, а возможность реинкарнации при этом отрицается. Но является ли отрицание категоричным и окончательным? На какие вердикты опирается отрицание? Об этом Николай Онуфриевич Лосский размышляет в книге «Учение о перевоплощении», которую он писал на протяжении целого ряда лет и завершил в 50-е годы.

Вопросами перевоплощения отцам Церкви пришлось вплотную заняться на V Вселенском соборе (543 г.), когда и были преданы анафеме 15 тезисов Оригена, в которых говорилось о предсуществовании души, о ее падении и о творении Богом материи, как несовершенной оболочки для грешной души. Эдикт гласил: «Если кто говорит или думает, что души людей предсуществовали, именно были раньше духами или святыми силами, пресытились созерцанием Бога, пали и потому, охладев к любви Божией, стали называться по-гречески *psyche* и в наказание были погружены в тела, – да будет анафема».

Когда Н. О. Лосский приводит текст данного осуждения, он трактует его в том смысле, что анафематствована лишь форма, в которой Ориген высказывал свои идеи:

«Само собою разумеется, что учение Оригена о предсуществовании души, о падении ее и о творении Богом материи, как несовершенной оболочки для грешной души, совершенно неприемлемо. В особенности ужасна мысль, будто возможно пресыщение созерцанием Бога. Церковь имела основание осудить такое учение не только на поместном, но и на Вселенском Соборе. Не правы, однако же, лица, которые отвергают всякое учение о творении Богом всех душ при творении мира, ссылаясь на то, что теория предсуществования души осуждена вселенским собором. Если Пятый Собор и осудил это учение, он имел в виду лишь ту его форму, в какой оно высказано Оригеном. Между тем учение о предсуществовании души может быть развито в крайне различных видоизменениях и может быть дополнено учением о перевоплощении тоже с весьма различными особенностями»¹².

Мы же остановимся исключительно на факте признания отцами Церкви единственности земной человеческой жизни, такой единственности, которая не отнимает у души жизни вечной.

VIII

12 См.: Н. О. Лосский. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. – М., Прогресс, 1992, стр. 130-136.

Тематика перевоплощения «лицом к лицу» соприкасается с безответным вопросом о совместительстве духа и вещества. Крепкий орешек сей подгрызаем со всех сторон – магами, герметиками, философами, богословами и психологами, и каждый из «грызунов» сосредоточен в своем, особом, тезаурусе. Метафоричность¹³, окольными путями восходящая к Образу, и логически связанный термин сочетаются в этих понятийных системах в разных пропорциях, и, соответственно, по-разному интонируется пресловутая «точка разрыва», в которой причинно-следственные связи заканчиваются. Далее следует либо ползти, либо лететь, либо... воочию перевоплощаться (беллетристичность Фулканелли, воскресавшего в 1960-е годы, не вызывает сомнений, но все же, как говорится, нет дыма без огня). Метафора, синтез, воображительная и практическая герметика, паранаука – все эти эффектные взмахи крыльев на краю бездны лишней раз убеждают нас в невозможности форсировать или как-то ускорить постижение вечных истин. Да, конечно, дух летает, где хочет, и все ему доступно. Но когда человеческая мысль стремится ему уподобиться, она либо цепенеет, не в силах сдвинуться с места, либо вынуждена то и дело спохватываться, чтобы не сверзиться вниз. И вот тут-то полномочия Логоса – из-за недосказанности – переходят к Образу, и критерием истины становится красота, за которой неотступной тенью маячит соблазн.

Где нет полета, там остается поползновение. В деятельной природе мысли есть что-то змеиное. Объективность – это именно само-проползание разума, от зацепки к зацепке, от атома к атому. Образ полета можно приложить к объективности лишь как орденскую ленту, в награду за кропотливый труд сопряжения причин и следствий. Ну, а тайное знание потому и является таковым, что под пристальным оком исследователя оно бы неминуемо выветрилось, как духи из неплотно закрытого флакона.

03. 09. 2025, Melun

13 Отметим, что некоторые лингвисты считают метафору отправным пунктом мышления, своего рода завязью, из которой впоследствии возникает стройный орнамент умозаключений. Обозревая различные определения метафоры, Поль Рикёр отмечал, что со времен Аристотеля, определявшего метафору как сходство (или перенос качеств с одного предмета на другой), лингвистическая наука весьма преуспела в уточнениях этой дефиниции, обозначая метафору и как линзу, и как экран, и как фильтр и т. п., но все эти определения сами по себе отличались сугубой метафоричностью, – см.: Поль Рикёр. Метафорический процесс как познание... – В сб. Теория метафоры., М., Прогресс, 1990.